

УДК 165.9:141.33

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-555-562

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Боровкова Ольга Владимировна

Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета

В статье рассматривается вопрос об изменении представлений о субъекте исторического познания в постмодернизме. Данные изменения связаны с пересмотром оснований исторической науки, повлекшим за собой ее трансформацию в область гуманитарного и даже вненаучного знания, а также — к сомнению в существовании исторической реальности и к призывам изъять ее из научного оборота. В сложившейся ситуации неизбежной стала ревизия субъекта исторического познания.

В постмодернизме в качестве единственно мыслимой реальности выступает текст, а субъект полагается не предшествующим тексту, а рождающимся вместе с ним, занимающим все его пространство. В сфере исторического познания субъект становится создателем и конструктором исторической реальности: «пленник прошлого» превращается в его владыку. Эти представления, с одной стороны, влекут за собой сближение и даже слияние субъекта познания с субъектом истории. С другой — субъект становится зависим от своего времени, т.е. от настоящего и его инстанций. «Новая» несвобода выражается в потере субъектом целостности, автономности, постоянства и осознанности.

Соответственно роли и содержанию субъекта пересматриваются и модернистские понятия «автор», «читатель», «интерпретатор» либо заменяются другими, более соответствующими новому пониманию. В работе рассматриваются различия субъекта-скриптора и субъекта-нарратора, «героя» и нарратора, «агента» и «пациента». Показан и иной аспект проблемы исторического познания, который состоит в том, что историк должен сочетать в себе качества как ученого, так и литератора.

Ключевые слова: субъект, субъект исторического познания, автор, читатель, скриптор, нарратор, герой, текст, нарратив, постмодернизм.

SOME ASPECTS OF THE PROBLEM OF THE HISTORICAL COGNITION SUBJECT IN POSTMODERNISM

Olga V. Borovkova

Rubtsovsk Institute, branch of Altay State University

The article deals with the changing perceptions of the historical cognition subject in Postmodernism. The present changes are connected with the reconsideration of the grounds of historical science, which has led to the transformation in the field of humanities and even non-scientific knowledge. This has also caused the doubt in the existence of historical reality and the appeals for excluding it from scientific circulation. In this situation, the revision of the historical cognition subject has become inevitable.

In Postmodernism, text appears to be the only cogitable reality and the subject does not precede the text, but emerges with the text taking the whole of its space. In the field of historical cognition, the subject becomes the creator and the designer of historical reality: «the prisoner of the past» turns into its sovereign. On the one hand, this concept entails the approach and even the confluence of the cognition subject and the history subject. On the other hand, the subject becomes dependent on its time, i.e. on the present and its instances. «New» non-freedom is expressed in the subject's loss of oneness, separateness, constancy and awareness.

The role and the content of the subject are reconsidered, and modernistic concepts of the «author», «reader», «interpreter» are replaced by the more appropriate ones according to the new understanding. The article considers the differences between the subject-scripter and the subject-narrator, «the hero» and «the narrator»,

«the agent» and «the patient». The author of the article shows another aspect of the problem of historical cognition stating that a historian should combine qualities both of a scientist and of a literary critic.

Keywords: subject, historical cognition subject, author, reader, scripter, narrator, hero, text, narrative, Postmodernism.

Введение

Проблемы субъекта, долгое время находящиеся в тени проблем объекта познания, становятся центральными в постмодернизме. Это связано с изменением представления об объекте, вызванным его пошатнувшейся незыблемостью и постоянством. Особенно остро это проявилось в области исторической науки, «утратившей» реальность, переживающей ревизию и пересмотр своих оснований и вынужденной опираться лишь на реальность субъективных конструкций. В сложившейся ситуации интересы исторической науки перемещаются из сферы исследования объективных социальных явлений в сферу исследования субъективности. Исследования субъекта исторического познания сопровождаются дискуссиями, а онтологический и эпистемологический статусы субъекта окончательно не определены, хотя уже имеется множество разработок, идей, гипотез. На наш взгляд, возникла необходимость рассмотрения изменения представлений о субъекте исторического познания, выявления основных тенденций в его исследовании в русле постмодернистской традиции. Это и является целью данной работы.

Реализация этой цели исключает возможность применения какого-либо одного доминирующего подхода, определяющего теоретико-методологические основания исследования. Методологическая база складывается из разных подходов. Прежде всего — это метод сравнительного анализа, который нацелен на выявление общего и особенного в представлениях о субъекте исторического познания, а также исторический подход, который позволит выявить и сопоставить уровни в развитии представлений о субъекте. Представляется необходимым и включение элементов системного метода, предполагающего рассмотрение представлений о субъекте исторического познания в постмодернизме в комплексе, в качестве целостного образования, где в качестве элементов выступают концепции философов, так или иначе принадлежащих данному направлению.

Особенности постмодернистских представлений, предполагающих сосуществование концепций, построенных на различных основаниях и не связанных между собой каузально, допускают применение метода пространственной организации мышления. Этот метод позволит учесть все прояв-

ления феномена во взаимодействии с той средой, в которой он пребывает, и выявить место сосредоточения смыслов.

Данная проблема осложняется неоднозначностью определения постмодернизма. Это связано, во-первых, с «расплывчатостью» его временных границ: считается, что постмодернизм возник в конце 70-х гг. XX в., хотя его основные идеи были высказаны ранее. Во-вторых, с отсутствием четкого парадигматического определения, в-третьих, с тем, что причастность тех или иных исследователей к традиции постмодернизма до конца так и не определена. Некоторые из них, бесспорно, входят в круг представителей постмодернизма, другие являются «пограничными» фигурами, оказавшими существенное влияние на его становление и развитие. Идеи тех и других могут быть весьма ценными для рассмотрения заявленной проблемы, а критерием отбора может выступать критика и ревизия модернистских представлений.

Историческая наука в постмодернизме — смена статуса и содержания

Необходимо заметить, что уже в модернизме наметился «сдвиг» исторической науки к границе между социально-гуманитарными науками и вне-научным знанием, и это было предопределено прежде всего тем, что сомнению подверглось само понятие «историческая реальность», а единственно мыслимой реальностью стал полагаться текст, его написание, чтение, интерпретация. История в этой ситуации рассказывается или пишется с позиции активного социального субъекта, который не может находиться за пределами текста. Именно от характеристик субъекта зависит процесс производства исторических научных дискурсов. Научный дискурс в таком понимании рассматривается «лишь как разновидность в семье нарративных культур» [1, с. 69–70].

Текст как дескрипция и как нарратив

Тексты в исторической науке выступают в двух основных видах — как дескриптивные (описательные), так и нарративные (повествовательные). В качестве реальности или, по словам Р. Барта, гиперреальности (мир собственного субъективного восприятия) они противостоят друг другу. Описательные тексты предполагают изложение статических состояний, описание признаков каких-либо

предметов и явлений: например, изображение исторического пространства, описание социальных институтов, традиций, а также выявление типологических и видовых черт тех или иных явлений и др. Кроме этого, как пишет А. Данто, «историческое исследование включает установление того факта, что некоторое событие произошло» [2, с. 137]. Историк, например, устанавливает дату события, приводит доказательства, но не стремится рассказать историю, т.е. изложить полное содержание события.

Дескриптивный текст малоподвижен: однажды созданный, он изменяется минимально. Более существенные изменения влекут за собой создание нового текста. Такой текст — это устойчивая структура. Информация в нем преподносится как объективная и нейтральная.

Понятие «нарратив», как известно, преимущественно употребляется в философии постмодернизма. В отличие от дескриптивного текста он имеет темпоральную структуру, выступает как постоянное изменение, процесс, а также предполагает присутствие опосредующей инстанции — повествователя, рассказчика, нарратора, через которую передаются эти изменения. Для нарратива описательный текст может служить своего рода «топливом»: повествование при своем разворачивании использует его фрагменты, которые «сгорают» в «пламени» нарратива, так как уже исполнили свою роль и больше не нужны для данного повествования.

Нарратив — это рассказ, который всегда можно изложить по-другому, и каждый рассказчик выстраивает свою иерархию событий, по-своему связывает их с контекстом и расставляет акценты. Произвольно построенная структура, таким образом, — это один из признаков нарратива.

Текст как нарратив, утверждает Р. Барт, это «эхокамера», которая возвращает субъекту смысл, внесенный им самим. Повествование осуществляется «ради самого рассказа, — отмечает философ, — а не ради прямого воздействия на действительность» [3, с. 384]. Так как смысл событий в нарративе не зависит от «внешнего» исторического процесса, то и наличие исходного, первоначального смысла, с точки зрения представителей постмодернизма, не важно. М. Постер полагает, что смысл рассказа возникает в самом процессе наррации, «в акте сугубо субъективного усилия», и мыслится он «как лишенный какого бы то ни было онтологического обеспечения» [4]. Другими словами, нарратив самодостаточен, и его ценность определяется собственным содержанием.

Таким образом, нарратив преимущественно является субъективным, а не объективным повествованием в отличие от дескрипции. Данто пишет, что «само использование повествовательной организации логически предполагает *непреодолимый* субъективный фактор». Смысл нарратива определяется «насущными интересами того или иного человека» [2, с. 137–138]

Как видим, нарратив — это прежде всего (что соответствует и переводу с английского и французского) рассказ, но в контексте нашей темы все-таки необходимо «развести» эти понятия. Любой рассказ является способом получения и передачи фактической информации, но нарратив предполагает включение неких иных элементов, которые призваны раскрыть смысл того, о чем повествуются. Можно выделить художественные или публицистические повествования, которые содержат эмоции и оценки нарратора, и научные тексты (в том числе исторические), в которых предполагается довольно четкая структура, выделение причинно-следственных связей, логических цепочек и др. Данто полагал, что исторические нарративы наряду с сообщением содержат объяснение [2, с. 138].

Изменения представлений о субъекте исторического познания в постмодернизме

Казалось бы, в этой ситуации субъект исторического познания приобретает свободу, конструируя реальность, являясь ее основной предпосылкой и заполняя все пространство знания. От его качеств зависит содержание исторического знания, так как прошлое, доступное как набор фрагментов, приобретает полноценное существование именно в повествовании и предстает таким, каким его видит субъект. Субъект исторического познания, выступающий в модернизме как «пленник» непредсказуемого, противостоящего, диктующего содержание знания прошлого, становится его «господином». Субъект теперь не изолирован от мира как объекта познания, а находится внутри него, присутствует в акте познания.

Но «господство» субъекта над прошлым имеет и другую сторону: роль «конструктора» и предпосылки исторической реальности приводит к потере автономности, целостности, постоянства и осознанности. Как отмечает Г.М. Ипполитов, субъект познания становится «пленником своего времени» [5, с. 56], т.е. настоящего, и формирующих его систем. А.Н. Ильин в качестве таких систем или инстанций выделяет различные организации, такие как партия «Единая Россия» или «КПРФ», авторитеты (например, учительница начальных классов) и др. Формировать субъект, полагает он, может

также какое-либо «общественное табу или целая система запретов, армейская дисциплина и т.д. и т.п.» [6]. Человек заимствует у формирующей его инстанции, каждой из которых соответствует определенная система ценностно-смыслового отношения к действительности, ее «язык», вид «письма» и др. Об этом, как известно, писал Фуко, утверждая, что субъект-автор является идеологической фигурой, «с помощью которой маркируется способ распространения смысла» [7], т.е. зависит от идеологии, царящей в обществе.

Ж. Лакан, рассуждая о потере субъектом познания автономии, самостоятельности, объясняет это тем, что он дважды детерминирован. Во-первых, он определен языковыми шаблонами правящей идеологии, во-вторых, бессознательным (иррациональным) словотворчеством. Субъект, по Лакану, — обитатель лингвистического, речевого мира, за пределами которого его не существует. [цит. по: 8]. Это напрямую относится к исторической науке, так как историки могут создавать лишь языковую реальность, — история не может существовать иначе. Другими словами, человек как субъект познания, приобретя статус создателя реальности, сам превращается в конструкт языка.

Модернистская парадигма предполагала противостояние субъекта и объекта как двух целостностей с различными смыслами. В ситуации же постмодернизма субъект, с одной стороны, определяет все, но с другой — приобретает такое специфическое свойство, как «расщепленность».

Расщепленность прежде всего в двусмысленности положения субъекта, связанной с признанием его «включенности» в объект. Субъект выступает и как познаваемый объект, и как познающий субъект [9, с. 333]. Кроме того, субъект в новой парадигме не единичен, он является совокупностью идентичностей, сосредотачивает в себе множество пониманий, многообразие ролей, которые выполняет. Также постмодернистами история представляется как набор различных локальных «рассказов», часто противоположных по форме изложения событий, по их оценке, интерпретации и др. Будучи различными и даже противоположными, они не могут быть опровергнуты, так как все являются проводниками истины субъекта. Это отчасти связано с изменением представлений об историческом пространстве, которое в постмодернизме выступает как локально организованное, связанное с географическим пространством.

Являясь совокупностью разнообразных идентичностей, субъект не является чем-то фиксированным, постоянным. Более того, он даже противопоставлен индивидуальной фиксированности, он

номадичен и состоит из произвольных неличностных и доиндивидуальных единичностей — сингулярностей [10, с. 250]. Американский философ К. Уилбер причиной непостоянства субъекта новой парадигмы считает то, что он (субъект) представляет мир, опираясь на свою собственную «историю», которая выступает как история постоянно развивающихся мировоззрений, изменения которых, в свою очередь, преобразуют и характеристики мира [11, с. 105]. М. Бланшо, описывая процесс создания некоего произведения, замечает, что между проектом, планом книги и окончанным трудом, разница такая же, «как между желанием тепла и теплом от печки, греющей меня» [12]. Это относится как к литературному, так и к историческому нарративу. В нарративе изменения связаны не только с изменением мировоззрения, но и с появлением новых исторических фактов. Уже готовое произведение также находится в состоянии становления, но не само в себе, а через Другого, через читателя, который дает «конкретную направленность» содержащимся в нем интенциям [13, с. 5].

Изъятие из оборота понятия «историческая реальность», утверждение представления о слиянии субъекта познания с объектом истории, метаморфозы характеристик субъекта (зависимость, расщепленность, номадичность) предопределили противоречивый облик субъекта и неизбежно привели к изменению представлений о статусе, роли субъекта и о содержании субъективности.

Пересмотр роли, статуса, содержания субъекта исторического познания

Прежде всего пересмотр роли и статуса субъекта связан с провозглашением Р. Бартом «смерти автора». Для обозначения субъекта он вводит понятие «скриптор» — (пишущий). Скриптор, по Барту, существенно отличается от модернистского автора, который «вынашивает» книгу и предшествует ей. Скриптор же «рождается одновременно с текстом». Он не существует «до и вне письма», а «всякий текст вечно пишется здесь и сейчас» [3, р. 387].

М. Бланшо, не изменяя термина «автор» (хотя довольно часто употребляет термин «писатель»), тем не менее изменяет его содержание. Анализируя деятельность писателя, философ замечает, что он «находит и реализует себя только в процессе своего труда; в преддверии труда он не только не знает, кто он есть, но и он есть ничто» [12]. Таким образом, субъект уже не является предпосылкой текста, не опережает его, а сам «рождается» текстом. Субъект в постмодернизме представляется деперсонализированным и это еще в большей ме-

ре, чем в литературных произведениях, проявляется в исторической науке.

«Порождением текста» представляется и читатель (или интерпретатор): он также не свободен и является, по мнению М. Грессе, лишь выражением системы фундаментальных конвенций, которые диктуются данной культурной традицией [14, р. 7]. Его роль состоит, по Бланшо, в «достраивании» текста, так как без работы по деконструкции его не существует. Интерес к произведению (эмоциональный либо рациональный) изменяет сделанное автором и «превращает в нечто иное, где он не узнает первоначального совершенства» [12]. Читатель, как полагает американский литературовед и философ Дж.Х. Миллер, — это источник смысла. Он «овладевает произведением... и налагает на него определенную схему смысла» [15, р. 12].

Таким образом, как скриптор (писатель), так и читатель являются производителями текста. Различие между ними заключается в том, что первый участвует в процессе письма, а второй — в процессе чтения. Но это различие не исключает их взаимосвязи. Как субъекты исторического познания, они сменяют друг друга. По выражению Бланшо, «каждый из авторов-субъектов опирается на другого, тогда как другой, в свою очередь, опирается еще на кого-нибудь» [13, с. 139]. Читатель (интерпретатор), воспроизводя по-своему текст, становится автором для другого читателя. Читатель оценивает написанное либо рассказанное, пытается проникнуть в мысли автора и разгадать причины действий героя для того, чтобы понять, почему автор создал именно такую ситуацию и такого героя. Но существует и обратная связь: создавая описание, автор пишет для читателя (каждый автор надеется на прочтение) и пытается понять, как написанное будет восприниматься читателем. Но внедрить читателя в контекст, предвидеть характер его восприятия удастся не всегда.

Как известно, в постмодернизме одним из ключевых понятий является понятие «нарратор» — повествователь, рассказчик. В. Кайзер, немецкий литературовед, назвал нарратора «ролью, придуманной и принятой автором». Он утверждал, что «в искусстве рассказа нарратор никогда не является автором» [16, S. 91]. Относительно исторической науки можно добавить, что и исследователь также может выполнять эту роль. Таким образом, роль нарратора носит формальный характер и противопоставляется понятиям «конкретный» автор или исследователь.

В отличие от скриптора, который описывает последовательность событий — путь к финалу, нарратор является носителем знания о тенденции

развития событий, представлений о завершении, финале истории (нарратива), он «объясняет» путь к финалу. Но так как история все-таки опирается на некие установленные факты, то историк-нарратор вынужден с этим считаться. Финал какой-либо истории один, но каждый нарратор может привести к нему по-разному. Скриптор и нарратор занимают различные позиции относительно текста: скриптор движется параллельно событиям и претендует на объективность, на взгляд со стороны, тогда как нарратор помещается внутрь «потока».

Конструируя событие или ситуацию, автор или нарратор помещают в них героя с его мировоззренческими установками, «заставляя» его понять смысл события или ситуации. Герой — это участник исторического процесса. В качестве героя может выступать и сам нарратор, т.е. участвовать в повествуемой истории. Хотя герой и пребывает в центре событий, он не обладает знанием о финале как нарратор. В историческом нарративе нарратор и герой находятся в разных «временах». По отношению ко времени, предполагаемому в рассказе, герой пребывает в самом времени, а нарратор — в метавремени, над временем. Создавая «героя» в литературном произведении, нарратор ограничен сюжетной линией, жанром и др. (хотя эти ограничения можно признать условными). Он не скрывает своей роли «создателя» героя, даже если тот является исторической личностью. Но в историческом нарративе историк не может вводить вымышленного героя, существование которого в прошлом не подтверждено либо историческими источниками, либо исторической традицией.

Необходимо отметить присутствие еще одного субъекта, зафиксированного постмодернистами. Это «нарратор». Как пишет И.П. Ильин, «нарратор — разновидность внутреннего адресата, явного или подразумеваемого собеседника, воспринимающего информацию» [8]. Что касается исторического нарратива, то в нем нарратор присутствует неявно, но в любом случае подразумевается, так как любая история, любое изложенное исследование требуют некоего «слушателя». Присутствие явного адресата свойственно прежде всего художественному произведению.

Иную классификацию субъектов дает Х. Уайт. Он выводит «на сцену» субъектов, сосредоточивших в себе свойства как субъектов истории, так и субъектов исторического познания, в чем в полной мере проявляются традиции постмодернизма (слияние двух этих видов). В качестве субъектов предстают «агенты» и «пациенты». Агент участвует в истории, а пациент в ней «проживает». Пациент,

считает Уайт, может быть «не замечен» историей или «пересмотрен». Он отмечает преимущество позиции агентов и ущербность пациентов, которые играют роль «товара». «Есть неоспоримое преимущество в том, чтобы быть в истории, а не вне ее, — пишет он, — и среди тех народов и групп, которые в истории являются агентами (производителями) истории, а не пациентами или ее товаром» [17]. Роль агента заключается в том, что он дает пациенту координаты, задает правила действия.

Именно действия агентов, полагает А. Мегилл, изучаются историками. Внешняя сторона их действий выступает как подтверждение существования событий, внутренний мир «дан познающему субъекту в воображении», которое «создает исторические конструкции». «Прошлое познается, — пишет он, — в результате “переигрывания” или “воспроизведения” (опыта, мыслей исторического деятеля) в сознании историка» [18, с. 49]. Историки в этом случае зачастую также выступают как агенты, «производя» и «переигрывая» историю.

Еще одним аспектом проблемы субъекта исторического познания является проблема «привлечения» к историческому исследованию не только историков, но и представителей других сфер как научного, так и вненаучного знания. Представления о том, что для исторического исследования недостаточно лишь историков, были свойственны и модернистам. В рамках этой традиции высказывались мнения о том, что для исторического исследования необходимо и присутствие философа. Постмодернисты же убеждены в том, что историк должен быть и ученым, и литератором одновременно, и именно в этом сложность его положения [19].

Нельзя не согласиться с тем, что существует общее в деятельности историка-ученого и литератора, — это не раз отмечалось в работах зарубежных и отечественных исследователей. Например, Х. Уайт полагает, что историограф, выстраивая факты в сюжет, неизбежно (так же, как литератор) включает в него идеологическую позицию, выражая свой собственный взгляд на мир. Как историк, так и литератор, отбирая элементы для конструирования истории, основываются на своих субъективных взглядах, оценочных мерках, идеях, управляющих «созданием» истории, тем самым создавая смысл.

Но сходство деятельности историка и литератора не означает отождествления характера их деятельности. Например, В. Шмид, излагая позицию польского философа Р. Ингардена, обратил внимание на его слова о том, что в историографии историк производит отбор и неотобранное (которое

считается неистинным) навсегда остается вне повествуемой истории, в литературе же читатель может его активизировать [20], так как в ней, по словам М. Бланшо, «обман и мистификация не только неизбежны, но составляют честность писателя, присущую ему долю надежды и истины» [12].

В историческом произведении нарратор-историк ограничен тем, что имеет дело с объективными историческими фактами, установленными путем сложного исследования. Как полагает Х. Уайт, историк должен учитывать те ограничения, которые накладываются существованием какого-либо события, явления или объекта (например Освенцима) [цит. по: 20]. Кроме того, он даже предостерегал историков-ученых от увлечения образными возможностями литературной работы, предупреждая, что они не должны забывать и о «суровости естествознания» [19].

Рикер специфику исторического нарратива видит в том, что историк не только осуществляет отбор фактов, элементов, но и «раскрывает мотивы, по которым он считает какой-то фактор — скорее, нежели некий другой, — достаточной причиной определенного хода событий» [22, с. 216]. На основе этого историком выстраивается и разделяется на главы или эпохи поток непрерывной действительности.

Заключение

Таким образом, в рамках постмодернистской традиции отрицание существования объективной исторической реальности приводит к устранению противостояния субъекта и объекта. Субъект исторического познания становится конструктором «собственной» исторической реальности и ее основным содержанием. Он вносит смысл в исторический нарратив, опираясь при этом на исторические факты, которые сами по себе являются лишь разрозненными фрагментами. Такие представления повлекли за собой сближение и даже слияние субъекта познания с субъектом истории. Граница между ними стирается. Субъект больше не предшествует тексту, он «живет» лишь вместе с производением и реализует себя в процессе повествования. Деятельность историка и литератора сближается, стирается граница между субъектом истории и субъектом исторического познания. Все это приводит к пересмотру типологии субъектов и содержания их деятельности. Субъект выступает как рассказчик, читатель, созданный нарратором нарратор, герой, агент либо пациент. Он, кроме того, в идеале сочетает в себе качества как ученого, так и литератора.

Появление новых «ролей» субъекта исторического познания приводит к тому, что субъект теперь становится изучаемым, зависимым от самого себя. Он лишается целостности, постоянства, становится «расщепленным», формируясь различными инстанциями: языком, идеологией, законами, условиями существования человека и, по словам М. Фуко, превращается в функцию индивида. Его «господство» оказывается иллюзией — зависимость от прошлого сменяется зависимостью от настоящего.

Список литературы

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб., 1998. 160 с.
2. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
3. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
4. Poster M. The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context. Cambridge, 1996. 136 p.
5. Ипполитов Г.М. Пленники времени, или как историки, будучи здесь и сейчас, пишут о том, что было там и теперь // Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления: матер. XX Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 18–19 декабря 2006 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб., 2006. Ч. I. С. 56–61.
6. Ильин А.Н. Субъект в пространстве философии постмодернизма // Знание. Понимание. Умение: Информационный гуманитарный портал. 2010. № 1 – Философия. Политология. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/ (дата обращения: 03.01.2016).
7. Философский словарь. URL: <http://slovariki.org/filosofskij-slovar> (дата обращения: 02.03.2017).
8. Ильин И.П. Постмодернизм — от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 258 с.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с. URL: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/istoria.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 23.06.2016).
10. Делез Ж. Логика смысла М.: Академ. проект, 2011. 472 с.
11. Уилбер К. Краткая история всего. М.: АСТ: Астрель, 2006. 476 с.
12. Блانشо М. Литература и право на смерть // Блانشо М. От Кафки к Кафке. М.: Логос, 1998. С. 9–56. URL: <http://blansho.narod.ru/blanchot/litera.html> (дата обращения: 06.03.2017).
13. Блانشо М. Последний человек. М.: Терра, 1997. 304 с.
14. Gresset M. Introduction // Intertextuality in Faulkner / ed. by M. Gresset, N. Polk. N.Y.: University of Mississippi, 1985. P. 3–15.
15. Miller J.H. Tradition and difference // Diacritics. 1972. Vol. 2, no 2. P. 9–12.
16. Kayser W. Wer erzahlt den Roman? // Die Vortragsreise: Studien zur Legende. Bern, 1958. S. 82–101.
17. White H. The Historical Event. URL: http://www.culturahistorica.es/hayden_white/historical_event.pdf (accessed: 01.05.2016).
18. Мегилл А. Историческая эпистемология: монография. М.: Канон+: Реабилитация, 2007. 480 с.
19. White H. The Burden of History // History and Theory. 1966. Vol 5, no 2. P. 111–134.
20. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shmid-narratology.pdf> (дата обращения: 21.02.2017).
21. Evans R.J. The future of history // Prospect Magazine. 1997. Oct. Iss. 23. URL: <http://www.stoa.org.uk/topics/postmodernism/the-future-of-history.pdf> (accessed: 07.05.2016).
22. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 2000. 313 с.

Получено 23.05.2017

References

1. Liotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. Saint Petersburg. Publ., 1998, 160 p. (In Russian).
2. Danto A. *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical philosophy of history]. Moscow, Idea-Press Publ., 2002, 292 p. (In Russian).
3. Barthes R. *Smert' avtora* [The death of the author]. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ., 1989, pp. 384–391. (In Russian).
4. Poster M. *The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context*. Cambridge, 1996, 136 p. (In English).
5. Ippolitov G.M. *Plenniki vremeni, ili kak istoriki, buduchi zdes' i seychas, pishut o tom, chto bylo tam i teper'* [Prisoners of time, or as historians, being here and writing about what was there and now]. *Chelovek v kontekste svoego vremeni: opyt istoriko-psikhologicheskogo osmysleniya* [Man in the context of his time: the experience of historical-psychological understanding]. Saint Petersburg, 2006, part I, pp. 56–61. (In Russian).
6. Il'in A.N. *Sub'ekt v prostranstve filosofii postmodernizma* [The subject in the space of the philosophy of postmodernism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie: Informatsionniy gumanitarniy portal. 2010. № 1* –

- Filosofiya. Politologiya* [Knowledge. Understanding. Ability: Information humanitarian portal. 2010. № 1 – Philosophy. Political science]. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/ (accessed 03. 01. 2016). (In Russian).
7. *Filosofskiy slovar'* [Philosophical dictionary]. Available at: <http://slovariki.org/filosofskij-slovar> (accessed: 02.03.2017). (In Russian).
 8. Il'in A.N. *Postmodernizm — ot istokov do konca stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa* [Postmodernism from the beginning to the end of the century: the evolution of the scientific myth]. Moscow, Intrada Publ., 1998, 258 p. (In Russian).
 9. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 448 p. Available at: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/istoria.txt_with-big-pictures.html (accessed 23.06.2016). (In Russian).
 10. Deleuze G. *Logika smysla* [The logic of sense]. Moscow, Academic Project Publ., 2011. 472 p. (In Russian).
 11. Wilber K. *Kratkaya istoriya vsego* [A brief history of everything]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2006, 476 p. (In Russian).
 12. Blanchot M. *Literatura i pravo na smert'* [Literature and right to death]. *Blanchot M. Ot Kafki k Kafke* [From Kafka to Kafka]. Moscow: Logos Publ., 1998, pp. 9–56. Available at: <http://blansho.narod.ru/blanchot/litera.html> (accessed 06.03.2017). (In Russian).
 13. Blanchot M. *Posledniy chelovek* [The last man]. Moscow, Terra Publ., 1997, 304 p. (In Russian).
 14. Gresset M. Introduction. *Intertextuality in Faulkner*. New York, University of Mississippi, 1985, pp. 3–15. (In English).
 15. Miller J.H. Tradition and difference. *Diacritics*. 1972, vol. 2, no 2, pp. 9–12. (In English).
 16. Kayser W. *Wer erzahlt den Roman?* [Who tells the novel?]. *Die Vortragsreise: Studien zur Legende* [The lecture tour: Studies on the legend]. Bern, 1958, pp. 82–101. (In German).
 17. White H. *The Historical Event*. Available at: http://www.culturahistorica.es/hayden_white/historical_event.pdf (accessed 01.05.2016). (In English).
 18. Magill A. *Istoricheskaya epistemologiya: monografiya* [Historical epistemology: monograph] Moscow, Canon+: ROOI «Rehabilitation» Publ., 2007, 480 p. (In Russian).
 19. White H. The Burden of History. *History and Theory*. 1966, vol 5, no 2, pp. 111–134. (In English).
 20. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003, 312 p. Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shmid-narratology.pdf> (accessed 21.02.2017). (In Russian).
 21. Evans R.J. The future of history. *Prospect Magazine*. 1997, Oct, iss. 23. Available at: <http://www.stoa.org.uk/topics/postmodernism/the-future-of-history.pdf> (accessed: 07.05.2016). (In English).
 22. Ricoeur P. *Vremya i rasskaz* [Time and narrative]. Saint Petersburg, Universitetskaya knigaPubl., 2000, vol. 1, 313 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 23.05.2017

Об авторе

Боровкова Ольга Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры общественных дисциплин

Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета,
658225, Алтайский край, Рубцовск,
пр. Ленина, 200б;
e-mail: o.v.borovkova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7926-185X

About the author

Borovkova Olga Vladimirovna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Social Sciences

Rubtsovsk Institute, branch of Altay State University,
200b, Lenin av., Rubtsovsk, Altai region,
658225, Russia;
e-mail: o.v.borovkova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7926-185X

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Боровкова О.В. Некоторые аспекты проблемы субъекта исторического познания в постмодернизме // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 555–562.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-555-562

Please cite this article in English as:

Borovkova O.V. Some aspects of the problem of the historical cognition subject in Postmodernism // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 555–562. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-555-562